

УДК 94(470.41)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ТАТАРСКОГО НАРОДА В 1920-1930-е гг.

А.М. Валиев, кандидат исторических наук

Совсем недавно республика отметила примечательную дату в своей истории – 90-летнюю годовщину образования ТАССР. Конечно, в свете тех существенных ограничений, в рамки которых была поставлена автономия к концу советского периода истории, указанная дата в последние два десятилетия, со времени принятия Декларации о государственном суверенитете, утратила определенную часть значимости и важности. И тем не менее хотелось бы обозначить многие как положительные, так и негативные моменты, которые дали татарскому народу первые два десятилетия существования автономной республики.

Становлению автономии способствовал ряд предпосылок. Падение Российской империи, распад ее на ряд самостоятельных государств создали благоприятные условия для движения татар за возрождение некогда попорченной государственности. Кроме того, необходимо учитывать наличие у них опыта создания могущественных государств в прежний период своей истории (имеются в виду Волжская Булгария и Казанское ханство), а также экономически и политически активной буржуазии, высокообразованной интеллигенции и мусульманского духовенства в качестве консолидирующих компонентов нации.

Конечно, следует признать, что государственность татарского народа в итоге оказалась существенно урезанной в управленческом и территориальном плане. Причем территориаль-

ные рамки автономии по мере успехов большевиков в Гражданской войне имели тенденцию к заметному уменьшению. Например, по первоначальному проекту штата «Идель-Урал», борьбу за осуществление которого вели лидеры Национального Собрания (Миллэт Меджлис) тюрко-татарского населения Внутренней России и Сибири, предполагалось возрождение государственности татарского народа на почти 220 тыс. кв. км территории. Национальное Собрание начало работать 20 ноября 1917 г. в г. Уфе, т.е. вскоре после Октябрьской революции, и действовало до 11 февраля 1918 г. Однако с самого начала указанный форум занял ярко выраженную антисоветскую позицию, что предопределило его печальную судьбу. Проект Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока предлагал становление национальной государственности на территории примерно 130 тыс. кв. км. В конечном итоге оба варианта были отвергнуты большевистским руководством. Видимо, оно опасалось создания в самом центре вновь образованного РСФСР большого мусульманского государственного образования, имевшего выход к мусульманским республикам Центральной Азии. Поэтому татары и башкиры получили отдельные автономные образования и лишились прямого выхода к Туркестану, который был закрыт для них Оренбургской областью. Территория же Татарской республики составила лишь 68 тыс. кв. км и охватила менее 1,5 млн. татар-

кого населения из общего количества 4,2 млн. проживавших в России, т.е. немногим более 1/3. В управленческом плане ряд таких важнейших сфер, как внешнеполитическая деятельность и внешняя торговля, целиком оказался в компетенции центральных органов РСФСР. В аналогичном положении оказались Народные комиссариаты продовольствия, финансов, Совета народного хозяйства, Отделы труда и путей сообщения, Рабоче-крестьянская инспекция, Управление почт и телеграфов, оставшиеся в непосредственном подчинении соответствующих народных комиссариатов РСФСР с обязательством исполнения распоряжений и инструкций последних. Комиссариаты просвещения, юстиции, здравоохранения, социального обеспечения, земледелия и внутренних дел были автономны в своих действиях, но ответственны непосредственно перед Всероссийским ЦИК¹.

Тем не менее создание ТАССР в истории татарского народа нельзя недооценивать. Государственность татар была локализована на одной, пусть и достаточно небольшой, территории. В начальный период существования автономии в рамках данной территории татарский народ получил возможности для всестороннего развития своего языка, культуры, религии. Образование ТАССР в политическом, экономическом и культурном плане увенчало эпоху «Первого Татарского Ренессанса». Возможны разные мнения по поводу временных рамок этого Возрождения. Есть ряд оснований полагать, что начало его следует отнести ко времени Первой Российской революции, когда татарский народ, до той поры подвергавшийся национальному, религиозному и социальному гнету, получил возможности для развития своей культуры, формирования своей полноценной политической и экономической элиты².

Само существование автономии началось в очень сложный для татар момент. Дело даже не столько в том, что

хозяйство ТАССР сильно пострадало от многих лет военных реквизиций и боевых действий на ее территории. И, конечно же, сыграли свою резко отрицательную роль химерические планы большевиков по стремительному искоренению товарно-денежных отношений. Однако в плане отстаивания национальных интересов первое правительство ТАССР, которое возглавил С.Саид-Галеев, не предпринимало действенных мер, целиком и полностью подчиняясь указаниям большевистского руководства. В результате продовольственные ресурсы молодой республики беспощадно выколачивались для снабжения промышленных центров страны³. Последовал ужасающий голод 1920–1921 гг., приведший к управлению автономией новую команду истинных патриотов своего народа и республики. Во главе правительства Татарстана становится Кашшаф Мухтаров. Видное место в его правительстве занимали Гасим Мансуров, Юнус Валидов, Микдат Брундуков, Ариф Енбаев. Их взгляды разделял Председатель ТатЦИКа Рауф Сабилов⁴.

Наиболее серьезно от голода пострадала татарская часть населения, менее развитая в экономическом отношении. Основной причиной столь тяжких последствий являлась экономическая отсталость, по сравнению с русским, татарского крестьянства. В 1920-е гг. основная масса татарского населения продолжала проживать в сельской местности. В экономическом плане татарское крестьянство по ряду важнейших показателей (обеспеченность посевами, землей, скотом, уровень товарности хозяйства и т.д.) существенно отставало от других национальных групп крестьянства, в частности, русского⁵.

Поэтому на протяжении 1920-х гг. руководство республики предпринимало энергичные меры для поднятия экономического уровня, а также развития языка и культуры татарского народа. В конце 1922 г. ТатЦИК утвердил

инструкцию «О реализации татарского языка». Происходило последовательное внедрение татарского языка в делопроизводство. Ежегодно на протяжении 1921–1927 гг. более усиленным темпом росло количество татарских судебных участков, судей, следователей и заседателей из числа татар. На протяжении 1920-х гг. медленно, но верно шел процесс коренизации аппарата советских и иных учреждений, т.е. увеличения в них доли татарских работников⁶.

В экономической сфере после издания Земельного кодекса интенсивными темпами велось землеустройство⁷. Переселение на земли государственного земельного фонда велось, главным образом, для татар и представителей национальных меньшинств, так как они в меньшей степени, чем русские, были обеспечены землей⁸. В широких масштабах была организована агрономическая помощь крестьянству, прежде всего татарскому. Из 197 показательных огородов, заложенных в 1923–1926 гг., 140 приходилось на татарские селения⁹. Из года в год быстрее рос процент участия татар и в основном в виде кооперации в деревне – сельскохозяйственной кооперации. Еще более высокий процент роста татары имели по кустарно-промысловой кооперации¹⁰. В 1920-е гг. увеличился приток в Казань татарского населения. Если в 1920 г. татары составляли всего 21,9% жителей города, то в 1926 г. – уже 25,7% (44 тыс. человек).

Впечатляющие результаты были достигнуты в сфере образования. К 1928 г. увеличилась численность не только татарских школ и учащихся в них. Татарское население имело больше школ, чем русское. Татарские школьники в школах I ступени составляли в 1927/28 учебном году 54,3% от общего числа учащихся, тогда как по переписи 1926 г. доля татар среди населения республики составляла 48,8%. Вследствие принимаемых мер процент татар в вузах вырос почти в 2 раза – с 5,1 до 9,9%¹¹.

Из года в год росло число татарских детских садов и других дошкольных учреждений, увеличившись за 1925–1928 гг. более чем в 2 раза. Вместе с тем количество татарских детей в указанных учреждениях росло гораздо медленнее, так как сами учреждения сосредоточивались, главным образом, в городах и рабочих центрах, где преобладало русское население. Сеть лечебных учреждений в татарских деревнях росла быстрее, и ее охват достиг в 1927 г. по сельским больницам 34,5% от общего числа поселений, амбулаториям – 46,1%, пунктам – 56,4%¹².

Значительные успехи были достигнуты в сфере культуры. Сезон 1925/26 г. стал юбилейным в развитии татарского театра, главным режиссером которого являлся К. Тинчурин. В составе театра в этот период блистали такие замечательные актеры, как М. Мутин, З. Султанов, Б. Тарханов, Ш. Шамиль, С. Айдаров, Х. Уразиков, Г. Болгарская, Ф. Ильская, А. Арапова. Под руководством композитора Салиха Сайдашева был организован оркестр из семнадцати музыкантов. В эти годы были поставлены такие интересные спектакли, как «Без ветрил», «Голубая шаль», «Американец», «Маленький брат» К.Тинчурина, «Переселение» Н. Исанбета, «Старик Камали», «Заблудшая девушка», «Безземельные», «Хусаин Мирза» Ф. Бурнаша, «Галиябану» М. Файзи, «Фатхуллал хазрат» Ф. Амирхана. Крупным успехом музыкального искусства явилась первая татарская опера «Сания», поставленная на сцене Татарского государственного академического театра к годовщине 5-летия ТАССР. На 1920–1930 гг. приходится время формирования музыкального стиля татарской массовой и лирической песни в творчестве С. Сайдашева, М. Музафарова, Дж. Файзи, З. Хабибуллина, Ф.Яруллина, А. Ключарева. Наиболее заметным среди молодых литераторов этого периода был поэт, прозаик и драматург Хади Такташ (1901–1931)¹³.

Таким образом, правительство Кашшафа Мухтарова стало первым в советской истории правительством, деятельность которого была направлена на улучшение социально-экономического и культурного положения татарского населения, а также повышения статуса татарского языка путем внедрения его в делопроизводство.

Однако ситуация резко изменилась после поражения лидера татарских коммунистов – М. Султан-Галиева – в противостоянии со Сталиным. Султан-Галиев отстаивал право автономных республик РСФСР на равноправное участие в создаваемом СССР. Поддерживавшие его руководители Татарстана (К. Мухтаров, Б. Мансуров, Г. Енбаев) в 1924 г. были сняты со своих постов и переведены на работу в Москву на незначительные должности. Во второй половине 1920-х гг., как мы видели, эта политика по инерции еще имела свое продолжение. Однако крутой перелом в судьбах татарского народа наметился окончательно и бесповоротно. В 1927 г. татарский алфавит путем «сверху» был переведен с арабской графики на «латиницу», что привело к потере огромного пласта многовекового мусульманского культурного наследия.

Дальнейшая история татарского народа связана с эпохой коллективизации и индустриализации. В период сплошной коллективизации в результате так называемых перегибов огромное количество крестьянских хозяйств было лишено земельных наделов, имущества, инвентаря и скота. Массовые репрессии и высылка применялись не только по отношению к крестьянам, но и к местным партийным работникам, которые, по мнению Москвы, не проявляли необходимой твердости и рвения в конфискации хлеба. Тем не менее, несмотря на классовую направленность новой политики государства, в татарских районах продолжала сохраняться определенная корпоративная взаимная поддержка. Так, например, председатель одного из колхозов

республики Зарипова, председатель сельсовета М. Юсупова и бригадир Ш. Зайнуллин были отданы под суд только за то, что роздали колхозный хлеб голодающим колхозникам.

В годы проведения коллективизации в районах республики огромную власть, даже большую, чем руководители хозяйств, приобрели представители политических (карательных) органов. Это создало почву для многочисленных злоупотреблений с их стороны в отношении крестьянского населения вообще, и руководителей хозяйств в частности. Сплошь и рядом имели место факты издевательства ответственных партийных, советских и иных работников над колхозниками. Закономерным ответом на творившиеся в деревне в этот период беззакония стало широко развернувшееся антиколхозное движение. В татарских деревнях зажиточные крестьяне и духовенство использовали в своей борьбе религиозные чувства колхозников. Активную антиколхозную работу проводило Мусульманское Духовное Управление, находившееся в г. Уфе. В целом ряде селений представители Управления своей работой добивались ослабления работы по хлебозаготовкам, засыпке семян, мобилизации денежных ресурсов.

Отношения власти и религии после прихода к власти большевиков никогда не были безоблачными. Хотя, например, в 1920-е гг. руководство Татарстана, видимо, пыталось использовать часть духовенства при проведении тех или иных государственных мероприятий. Так, Султан-Галиевым была выпущена брошюра «О методах антирелигиозной работы среди мусульман». В ней он разделяет татарских мулл на две категории. Одних он называет «черными», других «красными». «Красные» муллы являлись, по Султан-Галиеву, сторонниками революции. Поэтому, полагал он, в условиях Советской власти и диктатуры пролетариата их не только не следует отталкивать, но, наоборот, необходимо

всячески использовать¹⁴. Указанная теория «красных» и «черных» мулл тоже была развита Г.Г.Мансуровым¹⁵.

Ислам в качестве идеологической основы татарского общества продолжал сохранять прочные позиции вплоть до начала широкомасштабной антирелигиозной кампании, организованной советским государством в конце 1920-х – 1930-х гг. Этому отчасти способствовало очень тяжелое положение в сфере народного образования, которое складывалось в 1920–1930-е гг. в сельской местности Татарской республики, где основную массу населения составляли татары. Остроту ситуации характеризуют следующие слова, опубликованные в периодической печати того времени: «...никак нельзя отрицать того факта, что 70% деревенских учителей не имеют педагогической подготовки, что их образовательный ценз не превышает уровня знаний той же начальной школы, где они преподают, что занятия с детьми происходят не в школьных зданиях, а в грязных деревенских хатах, без парт, без столов, просто на полу, без всяких учебных пособий и принадлежностей, и что на почве нищенского существования советской школы быстрейшим темпом нарастают религиозные школы с их неизбежным антисоветским влиянием. И если при таком состоянии местный бюджет может выделить на хозяйственное обслуживание и оборудование школы не свыше трех рублей в учебный месяц на комплект, то вряд ли найдется оптимист, который рискнет утверждать, что при таком положении аппарата просвещения возможно рассчитывать на быстрое повышение культурного уровня населения ТР и особенно татарской его части»¹⁶.

Приведенная выше выдержка наглядно демонстрирует как слабость советской школы с ее светской направленностью, так и сохранение прежних прочных позиций религиозного образования среди татар.

Более того, соблюдение религиозных правил и норм имело широкое

распространение в татарской деревне на протяжении первой половины 1930-х гг. В 1933–1934 гг. отмечались массовые случаи соблюдения «Уразы» в колхозах и школах Татарстана¹⁷. Зимой 1934 г. в деревне Кукеево Рыбно-Слободского района республики 99% колхозниц, 75% колхозников и до 90% детей школьного возраста соблюдали мусульманский пост – «Уразу». В указанной деревне продолжали полноценно работать две мечети. Аналогичное положение наблюдалось в деревнях Айдарове, Юлсудине, Ямашеве этого же района, где «Уразу» соблюдали 99% колхозниц, 75% мужчин и до 95% школьников. Такие же факты отмечались в Красноборском, Пестречинском, Агрызском, Мамадышском, Октябрьском, Алексеевском и ряде других районов Татарстана. В деревне В. Старли Азнакаевского района в дни «Уразы-Байрама» 20% школьников не явились на учебу¹⁸. В Башкирии объезд духовенством ряда районов привел к организации кустовых молений и развалу ряда ячеек Союза воинствующих безбожников (СВБ). Например, в Абзелиловском районе Башкирии в ряде сельсоветов многие колхозницы, особенно женщины, после посещения муфтия шли в правление колхоза и отказывались от членства в СВБ. Влияние религиозных традиций проявилось в невыходе на работу в дни «Уразы-Байрама» в М.-Манаузовском сельсовете.

В ответ на антиколхозную деятельность государство с каждым годом наращивало масштабы антирелигиозной работы. С началом коллективизации в самом конце 1920-х гг. на мусульманское духовенство обрушилась первая полномасштабная волна репрессий¹⁹. С 1917 по 1934 г. в Татарстане в общей сложности было закрыто более 600 мечетей²⁰. В Башкирии в период антирелигиозной кампании 1933 г. были организованы десятки «безбожных» субботников, 378 безбожных ударных бригад. Всеми видами массовой антирелигиозной работы в период кампа-

нии было охвачено 100 тысяч человек, выпущено 210 антирелигиозных стенгазет, организован антирелигиозный радио-семинар. В Татарстане в период проведения кампании против «Уразы» в 1933–1934 гг. в одном только Челнинском районе было организовано 20 «безбожных» бригад из колхозниц и колхозников. В Муслумовском районе во время весеннего сева было организовано 30 ударных «безбожных» бригад.

Тем не менее в резолюции Совещания по антирелигиозной работе среди национальностей Урала и Поволжья, состоявшегося в г. Казани 28–29 марта 1934 г., отмечалось отсутствие в большинстве районов оформленных руководящих организаций Союза воинствующих безбожников (СВБ). В Башкирии из 45 районов на 1 февраля 1934 г. имелось только 13 райсоветов СВБ. Такое же положение наблюдалось и в Татарстане, где райсоветы и оргбюро СВБ работали только в 13 районах. В результате отсутствия руководящих районных организаций СВБ слабо работали и низовые ячейки. Особенно слабо разворачивалась антирелигиозная учеба на родных языках. В Башкирии, по сведениям на 5 февраля 1934 г., из 641 антирелигиозного кружка национальных кружков насчитывалось лишь 290. Из 11411 слушателей только 2592 человека являлись, как было принято писать в документах того времени, «националами»²¹.

В тяжелейших условиях, в которых пришлось вести свою деятельность мусульманскому духовенству в 1930-е гг., оно стало приспособляться к новым реалиям. Так, в 1934 г. в Актанышском районе муллы «агитировали» за Советскую власть в мечети: «Законы Советской власти не противоречат учению Корана, крепите колхозы, выполняйте все виды государственных обязательств, но в то же время не бросайте религию»²². Тем не менее в конечном итоге к началу войны религиозные организации на территории Татарстана были практически ликвидированы.

Оказалась прервана связь мусульманских приходов с Центральным духовным управлением. Его структуры на территории республики прекратили существование²³.

Наряду с ликвидацией религиозных институтов и утратой ими своего потенциала и рычагов морально-нравственного влияния, параллельно шел процесс стремительного разложения фундаментальных основ духовной жизни татарского народа. Широкие масштабы стало приобретать употребление спиртных напитков, рукоприкладство в отношении односельчан со стороны руководства колхозов и совхозов, злоупотребление ими своим служебным положением. В 1935 г. были проведены ревизии в 4700 сельских советах республики. В результате был обнаружен 791 случай растрат и хищений²⁴. Причины этих пагубных явлений коренились в недостатках кадровой политики эпохи насильственной коллективизации советской деревни. При подборе кадров во главу угла ставился классовый подход. На руководящие должности в колхозах назначались, как правило, представители беднейших слоев крестьянства, не имевшие какого-либо опыта подобной работы. Специального образования они также не имели, предварительно заканчивая лишь краткосрочные (одно- или двухмесячные) курсы председателей колхозов. Зачастую данные руководители не могли должным образом организовать работу в колхозе и нередко использовали свое должностное положение для сведения счетов с критиковавшими их деятельность односельчанами. Отношение же к представителям зажиточных слоев, имевшим существенные навыки в управлении сельским хозяйством, смекалку, хозяйственную жилку, было прямо противоположным. При наличии более-менее значительных земельных наделов, родителей из числа мулл или «кулаков», таких крестьян лишали избирательных прав, высылали за пределы Татарстана. Коренным образом изменилось отношение к работе

и со стороны самих крестьян, ставших колхозниками. Обычными явлениями стали их невыход на работу, саботаж различных мероприятий государства в сельскохозяйственной сфере.

К концу 1920-х гг. во внутренней политике ТАССР почти окончательно исчезает в связи с начавшейся коллективизацией национальная направленность. В 1930-х гг. татарский язык в административных и судебных учреждениях применялся уже редко. Изучение татарского языка служащими в учреждениях прекратилось. Рост количества татар в учреждениях стабилизировался²⁵. 1930-е гг. стали для татарского народа периодом серьезных испытаний. В 1939 г. татарский алфавит был вновь преобразован, на этот раз из «латиницы» в «кириллицу». Это открыло дорогу для дальнейшей ускоренной ассимиляции татарского народа.

В 1930-е гг. происходила ломка прежних устоев жизни татарского общества, связанная, среди прочего, и с ростом участия женщин в производстве, как сельскохозяйственном, так и промышленном. В годы первых пятилеток наблюдался неуклонный систематический рост женского труда в промышленности. В крупной промышленности ТАССР процент женщин к общему числу рабочих и служащих к 1939 г. превысил 50%. Аналогичное положение складывалось и в сельском хозяйстве республики. В колхозах и совхозах женщины так же, как и в городе, успешно овладевали сложными профессиями. Сотни колхозниц – бригадиров, трактористок, комбайнеров – участвовали в социалистическом соревновании за высокую урожайность. В колхозном производстве в ТАССР было занято к 1938 г. 425620 женщин, что составляло 52,2% от числа колхозников старше 16 лет, принимавших участие в работе колхозов. Из года в год увеличивалась подготовка кадров высшей и средней квалификации из женщин. К середине 1930-х гг. в Татарстане работали 743 женщины-врача, из

них татарок – 228; женского медицинского персонала – 2337 человек, в том числе татарок – 576.

1930-е гг. можно охарактеризовать также как эпоху широкомасштабных репрессий против политической элиты и интеллигенции Татарстана. Одной из жертв набравшей обороты сталинской системы террора стал М.Х. Султан-Галиев, член партии большевиков с июля 1917 г., активный участник Гражданской войны, член коллегии Наркомнаца и ряда других правительственных учреждений. «Дело Султан-Галиева» стало поводом для проведения репрессий среди различных слоев общества в Татарстане. 26 июня 1937 г. в Москве был арестован Х.З. Габидуллин, председатель СНК (правительства) ТАССР в 1924–1927 гг. Он был расстрелян 27 сентября 1937 г. В числе репрессированных оказались секретари Татарского обкома партии М.Разумов, А.К. Лепа, Г.М. Мухаметзянов, председатели СНК республики К.А. Абрамов и А.М. Новоселов.

Подверглись необоснованным репрессиям и выдающиеся представители национальной интеллигенции. 15 февраля 1938 г. были расстреляны Х.Атласов, Р.Яруллин, К.Туйкин, Б.Фаттахов, Ф.Туйкин, Г.Алтынбаев, К.Исхаков, С.Уразманов, З.Фаттахов. Были репрессированы несколько десятков представителей татарской интеллигенции²⁶. Среди них следует назвать, прежде всего, Галимджана Ибрагимова – известного татарского писателя и общественного деятеля, являвшегося в 1920-е гг. одним из руководителей, способствовавших развитию татарской культуры, автора учебников для татарских школ, возглавлявшего Академический центр Народного комиссариата просвещения республики. Он был арестован 25 августа 1937 г. Только смерть спасла его от трагической участи других виднейших представителей татарской интеллигенции – Г.Нигмати, Ш. Усманова, Х. Туфана, Г. Тулумбайского, Г. Гали и других²⁷. В результате этих широкомасштабных репрессий

татарской культуре был нанесен огромный, невосполнимый урон.

Негативные изменения в общественно-политической и экономической сфере были завершены переменами в политической жизни страны. Сложившаяся в 1930-е гг. XX в., в период культа личности Сталина, чрезмерная централизация управления страной свела на нет многие прерогативы автономных республик. Конституция ТАССР, принятая в 1937 г., уже не предусматривала значительной части полномочий, которыми располагала республика ранее.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. татары и Татарстан прошли очень сложный, неоднозначный и противоречивый путь в своем развитии. В первые годы существования автономии ее правительством был предпринят целый комплекс мер, направленных на улучшение социально-экономического положения татарского населения, развитие его языка и культуры. Однако уже к концу 1920-х гг. национальная направленность отходит на второй план в деятельности руководства ТАССР, для которого приоритетным

становится достижение целей коллективизации и индустриализации. Поэтому произошедшие в 1920-е гг. благотворные изменения в сфере применения татарского языка были фактически аннулированы уже к концу 1930-х гг. Среди негативных моментов периода коллективизации и первых сталинских пятилеток следует, применительно к татарскому народу, назвать также следующие. Во-первых, широкомасштабные репрессии против наиболее образованных и влиятельных слоев татарского общества – политической элиты, интеллигенции, мусульманского духовенства, зажиточного крестьянства. Во-вторых, двукратную смену алфавита, приведшую к потере огромного пласта многовекового мусульманского культурного наследия и открывшую дорогу для дальнейшей ускоренной ассимиляции татарского народа. И, наконец, в-третьих, стремительное разложение фундаментальных основ духовной жизни татарского народа, которое происходило в результате ликвидации религиозных институтов и утраты ими своего потенциала и рычагов морально-нравственного влияния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гарипова З.Г.* Возрождение государственности // в кн. Татарстан: вехи истории. 1920–2010. – Казань: Институт истории Академии наук РТ, 2010. – С. 7.

² *Амирханов Р.У.* Татарский народ и Татарстан в начале XX века: исторические зарисовки. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – С. 36–45, 48–63, 92–108.

³ *Шайдуллин Р.В.* Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920 – 1928 гг. Казань: Фэн, 2000. – С. 7–22.

⁴ *Султанбеков Б.* Расстрелян как террорист (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова). Татарские края. – 1996. – № 2. – С. 90.

⁵ *Шайдуллин Р.В.* Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920 – 1928 гг. Казань: Фэн, 2000. – С. 160–172.

⁶ Материалы для докладчиков к восьмилетнему юбилею Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. – Казань: Издание кабинета партработы ОК ВКП (б), 1928. – С. 31–33.

⁷ Материалы к десятилетию Октября в Татреспублике. – Казань: Издание ОКП Агитпроп. – 1927. – С. 18–19.

⁸ Материалы для докладчиков к восьмилетнему юбилею Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. – Казань: Издание кабинета партработы ОК ВКП (б), 1928. – С. 12.

⁹ Там же. – С. 16.

¹⁰ Там же. – С. 25.

¹¹ Там же. – С. 26.

¹² Материалы для докладчиков к восьмилетнему юбилею Автономной Татарской Советской Социалистической Республики. – Казань: Издание кабинета партруботы ОК ВКП (б). – 1928. – С. 26,28.

¹³ *Гарипова З.Г.* Культура и наука ТАССР в 1920–1930-е гг. // в кн. Татарстан: вехи истории. 1920 – 2010. – Казань: Институт истории Академии наук РТ, 2010. – С.15–18.

¹⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф.15.О.3. Д.69.ЛЛ. 36–37.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Основные моменты плана восстановления хозяйства Татарской Республики // Труд и хозяйство. – 1926. – № 6–8. – С. 6.

¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф-15.О.3.Д.409. Л.3.

¹⁸ Там же. Д.410. Л. 11.

¹⁹ *Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. – С. 108.

²⁰ Там же. – С. 33.

²¹ ЦГА ИПД РТ. Ф-15.О.3.Д.409. ЛЛ. 2,3,5.

²² Там же. Д.410. Л. 7.

²³ *Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). – Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ. – С.33.

²⁴ *Магдеев К.* Сельские бюджеты // Социалистический Татарстан. – 1936. – № 1. – С. 33.

²⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф.15.О.3.Д.216.Л. 49.

²⁶ *Литвин А.Л.* Запрет на жизнь. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. – С. 16–17.

²⁷ Там же. – С. 60.

Аннотация

В данной статье автор предпринимает попытку осмыслить позитивные и негативные последствия для татарского народа в результате образования и первых двух десятилетий существования ТАССР. Им отмечается, что в первые годы существования автономии правительство предприняло целый комплекс мер, направленных на улучшение социально-экономического положения татарского населения, развитие его языка и культуры. Однако произошедшие в 1920-е гг. благотворные изменения в сфере применения татарского языка были фактически аннулированы уже к концу 1930-х гг.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, РСФСР, Миллэт Меджлис, С. Саид-Галеев, голод, татарское крестьянство, К. Мухтаров, М. Султан-Галиев, К. Тинчурин, театр, культура, Сталин, коллективизация, индустриализация, репрессии, злоупотребления, ислам, мусульманское духовенство, антиколхозное движение, антирелигиозная работа, «Ураза-Байрам», политическая элита, интеллигенция, Конституция.

Summary

In given article the author makes an attempt to comprehend positive and negative consequences for the Tatar people as a result of formation and first two decades of the existence of the TASSR. The author notices that during the first years of the existence of the autonomy its government undertook the whole series of measures, directed to the improvement of the economic and social situation of the Tatar population, development of its language and culture. However, the salutary changes of the twenties in sphere of application of the Tatar language had already been cancelled by the end of 1930.